

3. Eliade M. Istoriya very i religioznykh idey: Ot kamennogo veka do elevsinskih misteriy [History of faith and religious ideas: From the stone age to the Eleusinian mysteries]. – М. : Akademicheskii Proekt, 2008. – 622 s.

Бредун И. В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Харьковский национальный университет строительства и архитектуры (Харьков, Украина), E-mail: polk@i.ua

Индивидуальная эсхатология египтян.

Аннотация. Проводится последовательное осмысление религиозных идей эсхатологического содержания в пространстве древней сознания. В рамках картины мира египтян обнаруживает смысловые уровни темы, разрабатывает авторские интерпретации. Эсхатологические идеи рассматриваются с точки зрения представлений и верований о Судьбе человека и Судьбу Вселенной. Эсхатология раскрывается в контексте индивидуального измерения (как судьба души после смерти), в пространстве которого осмысливаются ее дополнительные контексты.

Ключевые слова: душа, эсхатология, идея, индивидуальная, мировоззрение, циклическая.

Bredun I., PhD in philosophical sciences, docent, associate professor of the Department of philosophy, Kharkov national University of construction and architecture (Kharkov, Ukraine), E-mail: polk@i.ua

Individual eschatology of the Egyptians.

Abstract. The author addresses the problem of revealing the semantic horizons of eschatological ideas in the measurement of the ancient tradition, which are key to understanding the phenomenon of eschatology. Reconstruction of ancient representations opens the opportunity to track its sources of origin and evolution. On the one hand, it spreads the space of its thinking. On the other hand, it cultivates intellectual culture, expands the boundaries of secular and religious consciousness, develops a spiritual and individual culture of thought.

The purpose of the article is the discovery and interpretation of eschatological issues in the space of ancient Egyptian consciousness, namely the disclosure of the idea of Fate through the prism of their sacred thoughts; Reconstruction of the ideological (semantic) core of sacred consciousness; The isolation of individual eschatology and the outline of possible contexts of the World's eschatology (their interpretation).

The author concludes that the reconstruction of the basic ideas of the ancient world outlook presents various dimensions of the implementation of the eschatological theme of the Fate (a certain structure of the eschatological model of the world). The idea of Fate sprouts in the religious outlook of the Egyptians becomes the basic idea of their religious views. In the form of the theme of the fate of the gods, she acts as a significant attribute of their religious picture of the world. The main milestones of its development were the theme: Fate of heaven and earth; The fate of the soul behind the coffin; The fate of representatives of the divine pantheon; The fate of the country; The resurrection of mankind; Heavenly Court and others.

Keywords: soul, eschatology, idea, individual, world view, loop.

УДК 316.37

Палагута В. И.,

доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой инженерной педагогики
Национальной металлургической академии Украины
(Днепр, Украина), E-mail: visnukdnu@i.ua

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕ- СТВЕ

Аннотация. В статье анализируются три взаимосвязанных вопроса, актуальные для оценки состояния и развития современного украинского общества, а именно, – что такое историческая память как социокультурный феномен? Как историческая память со-

относится с коллективной идентичностью? И как, в контексте исторической памяти, коллективная идентичность соотносится с индивидуальной идентичностью человека?

Исследование показывает, что историческая память как феномен всегда сопряжен с животрепещущим вопросом в контексте изучения коллективной идентичности – «кто мы такие?» и «в чём наше предназначение?». Но эти животрепещущие вопросы, служащие одновременно и определённым мерилom человеческого опыта и жизни в целом, а также, изучением коллективной и индивидуальной идентичности людей, намертво связывают прошлое, настоящее и будущее.

Ключевые слова: историческая память, коллективные идентичности, национальная идентичность, индивидуальная идентичность, самоидентификация, политика идентичности.

Тема нашей статьи вызвана достаточно сложной, если не сказать кризисной социальной, идеологической и культурной ситуацией в Украине. Эта ситуация во многом обусловлена появлением новых форм, порой весьма искаженных, обращения к прошлому, которые сейчас широко востребуются в правящих политических кругах и принадлежащих им масс – медиа для форматирования мононациональной коллективной идентичности, и навязываемой всем украинским гражданам, независимо от региона, культуры и языка, на котором они разговаривают. Именно сейчас для всех украинских граждан настал момент истины в плане личного определения своей национальной принадлежности. Но речь здесь уже не идёт о выборе из двух вариантов – одного, а именно проблема выбора мононациональной коллективной идентичности или многонациональных коллективных идентичностей уже не стоит, этот выбор уже сделан за украинских граждан правящей националистической элитой и насаждается её административно – политическим аппаратом. Да и само понятие «национальная идентичность» и его содержательное наполнение сейчас относится исключительно к сфере политики и идеологии, что позволяет правящей власти формировать по своему усмотрению *политику идентичности*. При этом культурная, научно-гуманитарная общественность оставлена не у дел, ей остаётся лишь принимать как существующее положение вещей реформаторские социально-культурные «преобразования» власти. Но как показывает мировая культурно-историческая практика – это опасная во всех отношениях игра с огнём.

Тем более, в современную эпоху глобализации возникают, или приобретают особую значимость в жизни отдельного человека такие типы коллективной идентичности как религиозная, цивилизационная, гендерная, фанатская, интернетная и многие другие типы коллективной идентичности. Открытым в социально-гуманитарной науке остаётся и вопрос, какой подход в наибольшей степени будет способствовать эффективности исследования механизмов формирования национальной как коллективной идентичности. Речь здесь идёт о трёх подходах в исследовании национальной идентичности – *примордиальном* (органицизм, почвенность, кровное родство), *модернистском* (ориентация на монолит политической нации и гражданственность) и *постмодернистском* (конструктивизм), где нация рассматривается или как воображаемое сообщество, или как дискурсивная формация, или как общегосударственный символ.

Поэтому, на первый взгляд, можно утверждать, что нынешняя правящая политическая элита с помощью подчинённых ей институтов власти повсеместно проводят политику идентичности на основе одной – мононациональной базисной модели, используя модернистский подход. Этот подход открывает им неограниченные возможности для всевозможных манипуляций с историей и исторической памятью в угоду политическим интересам. Это, в свою очередь, позволяет героизировать и приукрашивать одни исторические события и замалчивать, игнорировать, а порой и фальсифицировать другие.

Но что такое *историческая память* как социокультурный феномен? Как тако-

вая она – лишь поле для изучения одних только обществоведов через архивные источники, воспоминания очевидцев, принятые социальными группами интерпретации тех или иных событий со стороны политиков, учёных - историков, философов, политологов? Или же, историческая память представляет собой нечто гораздо большее, чем просто воспоминание о событиях уже минувших, и ставших достоянием архивов и всевозможных интерпретаций? Как историческая память соотносится с коллективной идентичностью? И как в контексте исторической памяти коллективная идентичность, в свою очередь, соотносится с индивидуальной идентичностью человека в контексте исторической памяти?

Прежде всего, вкратце рассмотрим последний вопрос - о соотношении, точнее – совмещении у человека двух типов идентичностей – коллективной и индивидуальной. Действительно, как никогда становится актуальным исследование механизмов формирования коллективной идентичности, их взаимосвязи с процессами идентификации и самоидентификации субъекта, изучение противоречий и неоднородности коллективной идентичности. Сейчас ставится под большой вопрос существование индивидуальной идентичности как своего рода гипостазированной сущности, производной от западного понятия «самости» субъекта, благодаря чему возникло множество мнимых, надуманных, «фантомных» индивидуальных идентичностей, своего рода симулякров, в которых пребывает в течение жизни человек или то, что именуется личностным мифом. Известный американский социальный мыслитель Р. Брубейкер в этой связи отмечает: «Если идентичность находится везде, то её нет нигде» [1, с. 62]. По мере их увеличения сам термин идентичность начинает утрачивать свою исследовательско-аналитическую значимость. Более того, она мало чего имеют общего с реальным *процессом* самоидентификации субъекта, изначально имеющего коллективистскую, а не индивидуалистическую основу. В этой связи возникает ряд проблемных вопросов, которым Р. Брубейкер дал точную формулировку: «Если идентичность текуча, то, как понять, каким образом самопонимания крепнут, твердеют и кристаллизуются? Если она множественна, то, как понять ту ужасную единичность и единственность, которой часто жаждут и иногда достигают политики, желающие превратить простые категории в унитарные и исключают группы? Как мы тогда можем понять силу и пафос политики идентичности?» [1, с. 62].

Если обратиться к рассмотрению процесса субъективной самоидентификации, то, действительно, форма вопрошания субъекта о самом себе наглядно свидетельствует о непрерывно совершаемом, смысложизненным по своему содержанию, процессе субъективного самоуверения, основа которого заключается в ключевом вопросе человека: «Откуда и куда я?». Данный акт самоуверения является одним из основных индикаторов идентификации человеком с социумом и миром в целом, и осуществляется он в форме речевого или ментального вопрошания о своей идентичности, то есть вопросом, адресуемым к самому себе, а потом, – и к миру. Но этот вопрос и получаемый ответ всегда переменчив, поэтому индивидуальная идентичность всегда ускользает, носит изменчивый и пульсирующий характер, ей трудно дать чёткое и однозначно зафиксированное определение. В некотором смысле её нет как таковой. Скорее всего, здесь важен сам процесс самоидентификации, а не индивидуальная идентичность как таковая.

И в этом смысле глубоко прав Р. Брубейкер, когда говорит о том, что «концептуальное осмысление всех сходств и присоединений, всех форм принадлежности, всякого опыта восприятия общности, связанности и сплочённости, всех самопониманий и самоидентификаций с помощью идиомы идентичности навязывает нам грубый, плоский, недифференцированный словарь» [1, с. 63]. Более того, можно с некоторыми допущениями утверждать, что как таковой индивидуальной идентичности в «чистом виде» не существует. Поэтому, само понятие «идентичность» ввиду его действительной и мнимой многозначности не может в полной

мере удовлетворяют требованиям полноценного социального анализа соотношения коллективной и индивидуальной (само)идентификации и ориентирует на поиск новых концептуальных решений данного вопроса. И в этом смысле человек уже изначально идентифицирует себя с той или иной наперед заданной, уже как бы для него предуготованной коллективной идентичностью, будь-то воображаемое сообщество, дискурсивная формация или общенациональные символы.

Но это уже постмодернистский подход, предусматривающий *конструирование* коллективных идентичностей, и который не просто допускает, а открывает широкие возможности для всевозможных манипуляций с исторической памятью. Поэтому, можно утверждать, что базисной является коллективная идентичность, которая предполагает как факт своё переформирование, и это хорошо понимают власть имущие, проводящие политику идентичности.

Возвращаясь к рассмотрению первого и второго вопросов статьи, мы в дальнейших рассуждениях будем обращаться к работам известного немецкого философа истории и историка культуры Алейды Ассман. Поэтому, в свете вышерассмотренного вопроса, вполне очевидным уже становятся рассуждения А. Ассман, о том, что ««мы – идентичность» группы имеет приоритет перед «я – идентичностью». Иначе говоря: идентичность есть социальное явление, она «социогенна» [2, с. 140]. Вместе с тем, «коллективная, или мы – идентичность, не существует вне индивидуумов, которые образуют и воплощают это «мы». Оно существует в индивидуальном знании и сознании» [2, с. 140]. Необходимо добавить и в индивидуальном бессознательном, о котом субъект имеет или смутные представления, или их не имеет вовсе.

Но самое интересное другое – как же, всё – таки, конституируется общность, что мы называем коллективной или социально-культурной идентичностью и как влияет на её формирование историческая память? Коллективная, равно как и индивидуальная идентичность как её клон предопределена социально- культурным существованием субъекта, многообразием его форм – языком, сложившимися представлениями, устоявшимися нормами деятельности и общения, ценностями и приоритетами данного социума и исторической эпохи в целом, которые все в совокупности и формируют историческую память. Тем самым, коллективная, равно как и индивидуальная идентичность, всегда являются продуктом социального конструирования, являясь, по сути, социально-культурной идентичностью. И в этом их глубинное сходство.

И что примечательно, – коллективная идентичность в плане темпорального определения подчиняется той же закономерности, что и индивидуальная идентичность. Весьма показательны в этом плане рассуждения украинской исследовательницы Л. Драгунской об имманентном чувстве времени человека как о данности, в которой морфологизируются переживания, *созидающие субъективную темпоральность*: «Есть постоянно бегущая граница, где будущее перетекает в прошлое. Если принять это, то настоящее – это наше прошлое, смотрящее на нас. Прошлое – это то, что нас формирует. Настоящее – это реализация нашего прошлого. *Здесь и сейчас – это бесконечные там и тогда*» [3, с. 264]. Поэтому, связь между прошлым, настоящим и будущим имеет *триединую основу*, что обращает нас к рассмотрению исторической памяти как важнейшему условию формирования и индикатору коллективной идентичности.

Вместе с тем, можно указать и на их принципиальное различие, о котором очень точно выразилась А. Ассман: «Различие же состоит в том, что коллективная идентичность, в отличие от личной, не опирается на естественную явленность телесного субстрата. Явленность коллективной идентичности – исключительно символического характера. «Социальное тело» нельзя ни увидеть, ни потрогать. Оно представляет из себя *метафору, мнимую величину, социальную конструкцию*. Но в этом качестве оно вполне реально» [2, с. 141]. Иначе говоря, коллективная

идентичность – это существующая реальность, но особым – физически «ненаблюдаемым», не материальным, а знаково-символическим способом. Коллективная идентичность представляет собой символическую конструкцию, которую можно видоизменять и переформатировать любым способом и в любом направлении.

Поэтому, особый интерес вызывает рассмотрение взаимосвязи коллективной идентичности и исторической памяти. В самом деле, коллективная идентичность той или иной социальной группы, в идеале всех граждан общества, поддерживается сложившимися дискурсивными практиками, значимыми социальными и историческими событиями, памятными местами, культурными артефактами, всеобщими праздниками. Они формируют у социальной группы определённое отношение к истории, сознание собственного своеобразия и неповторимости, а порой и исключительности, и понимания нерасторжимой связи прошлого с настоящим и будущим. Любая социальная группа или сообщество, не говоря уже об обществе в целом, нуждается в прошлом, прежде всего в целях самоопределения. Говоря о нации как о воображаемой, символической мегаколлективной идентичности, можно сказать, что нация живёт только тогда, когда оживляет своё прошлое в настоящем и постоянно актуализирует его для ближайшего и отдалённого будущего. Роль исторической памяти всегда была определяющей для исследования коллективной идентичности, и особенно, сейчас. В этой связи А. Ассман, ссылаясь на немецкого историка Юргена Кока, замечает: «Теперь от истории ждут *освоения прошлого*, воспоминаний, обеспечения и удостоверения идентичности» [4, с. 235].

Вот эта тесная связь, точнее – взаимозависимость и взаимовлияние, между исторической памятью и коллективной идентичностью требует, чтобы «культурная память создавала идентификационные возможности и партиципативные структуры, позволяющие осуществлять индивидуальное и коллективное освоение истории» [4, с. 236]. Тем самым, отчетливо просматривается тенденция определять историческую память как прояснение животрепещущего вопроса при изучении коллективной идентичности – «кто мы такие?» и «в чём наше предназначение?». Но эти животрепещущие вопросы, служащие одновременно и определённым мерилom человеческого опыта и жизни в целом, и изучением коллективной и индивидуальной идентичности людей, намертво связывают прошлое, настоящее и будущее.

Вот почему, историческая память – представляет собой нечто, гораздо большее, чем просто узкий предмет изучения историков, философов и прочих обществоведов и гуманитариев, или покрытые пылью архивов воспоминания и свидетельства о событиях минувших, которым, за редким исключением, уготована участь общественного забвения. Ещё когда-то Морис Хальбвакс, работы которого сейчас переживают второе рождение, подчёркивал, что «рамки памяти помещаются одновременно и внутри, и вне времени. Будучи вневременными, они в какой-то мере сообщают свою устойчивость и обобщённость тем образам и конкретным воспоминаниям, из которых они состоят. Но отчасти они и вовлекаются в течение времени. < Точнее сказать, в зависимости от избранного направления движения – одни и те же представления кажутся нам то воспоминаниями, то понятиями или общими идеями» [5, с. 337]. Тем самым, историческая память связана не только с осью времени, но и с вечностью, она во многом определяет социокультурное наполнение жизни отдельного человека и социальных групп, придает ей смысловые импульсы и принимает деятельное участие в проектировании социальными группами и отдельным человеком своей будущности.

Поэтому, актуальным становится сейчас интерес к изучению феномена исторической памяти не только для самих обществоведов, но и со стороны всего украинского общества, прежде всего культурной и научно-гуманитарной её части, как предмета целенаправленного *социального конструирования*. Именно сейчас сформировалось отчётливое понимание того, что представления о прошлом определяются обстоятельствами коллективного настоящего той или иной социальной,

этнической или конфессиональной социальной группы, которыми пронизан весь социум сверху донизу. Более того, само размежевание общества на иерархически подчинённые и конкурирующие, а порой, и конфликтующие социальные группы и сообщества вынуждает его историческую память складываться не в одномерном и прозрачном пространстве понимания, а в когда-то исторически возникшем, фрагментированном и сингулярном пространстве социального опыта и мироотношения, которые никем и никогда нельзя изменить. Оно складывается на протяжении десятилетий, а порой и столетий.

При этом, есть ещё одна особенность функционирования исторической памяти – она и формируется, и деформируется одновременно, то есть должна рассматриваться как двусторонний процесс разрушения и созидания. Характер её сингулярности и фрагментации допускает всевозможные манипуляции исторической памятью, востребованной той или иной социальной группой и обществом в целом. Поэтому и не секрет, что определяя политику идентичности, украинские власти совершенно не учитывают историческую память севера – и юго-восточного региона страны, этнически разнородных, имеющих ряд своих специфических черт своей коллективной идентичности и распадающегося на целый ряд сингулярных коллективных идентичностей.

Вот почему, создаётся парадоксальная ситуация – где же *правда*, а где ловко сконструированная в угоду сиюминутным интересам власти *фикция*? По словам А. Ассман: «Если отныне будет считаться, будто любая идентичность «конструируется» в настоящем, то какие критерии смогут отличить исторически обоснованные представления коллектива о самом себе от мифических и фиктивных?» [4, с. 243]. И в этом смысле хотелось бы отметить, что если говорить о формировании общенациональной коллективной идентичности, всегда подразумевающей историческую память, то национальная историческая память предусматривает воображаемую национальную, относительно однородную общность, пронизывающую прошлое, настоящее и будущее, то есть требует дискурсивно оформленную и воображаемую преемственность, уходящую вглубь времён. Но, а если её просто нет или она явно недостаточна для мононациональной коллективной идентичности или как принято сейчас говорить – общенациональной идеи? Что тогда делать?...

И, наконец, особый интерес представляет взаимозависимость прошлого и будущего в феномене исторической памяти и их взаимосвязи с коллективной идентичностью. Нынешние процессы деформации и одновременного формирования новых коллективных идентичностей фактически *разрывают* связь прошлого, настоящего и будущего. Сейчас происходит процесс переопределения содержания таких понятий как «прошлое», «настоящее» и «будущее», мешающие разработке концепции национальной идентичности. Упускается из виду или просто не замечается, и что ни в коем случае нельзя не принимать в расчёт и не учитывать, и что наглядно показали последние украинские события, так это глубинная эмоционально-психологическая связь людей и социальных образований с прошлым. Как замечает в этой связи А. Ассман «Действует эмоциональная связь с настоящим или прошлым, которую нельзя игнорировать, терять и тем более *разрушать*; её следует сделать предметом особой заботы» [4, с. 257].

Но что значит, «предмет особой заботы»? Действительно, ещё не только живы люди, приобщённые к принципиально иной исторической памяти, чем ту, которую формирует ныне действующая власть, но и имеется поколение, социальный опыт которого невозможно в одиночку переформировать и заменить их устоявшиеся представления о прошлом совершенно иной исторической памятью. в которой черное называется белым, где фальсификации исторического прошлого становятся нормой. Попытки переписать историю, изменить историческую память живущих поколений, переформатировать коллективные идентичности в обществе, составленном их различных по своей ментальности и миропониманию этнических

образований и, придерживающихся различных представлений о прошлом, ни к чему хорошему не приведут в украинском обществе.

В заключении, можно сказать, что историческая память как социокультурный феномен хранит и воспроизводит не только своё прошлое, но через настоящее и своё будущее, о чём полностью забывают нынешние «социальные реформаторы». Поэтому, радикальный вопрос к настоящему, за которое несут ответственность перед историей все без исключения украинские граждане, звучит ныне так – чего требует *будущее*, и *прошлое* от настоящего?

Возможно, когда-нибудь в будущем украинское общество придёт к той степени взаимной толерантности и понимания, которое культивируется в американском обществе и о политике идентичности которого пишет известный американский социальный теоретик Як Бернард: «Нужно заменить модели сообщества, сформированные образами национальной солидарности или коллективной идентичности, моделью, сформированной отношениями взаимной попечительности и лояльности, характерных для того, что я называю социальной дружбой» [6, с. 11–12]. Но это, как говорится, уже совершенно другая история.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Брубейкер Р. Этничность без групп – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
2. Ассман А. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Драгунская Л. Бытие во времени как методологический аспект глубинной психологии // Синхрония и диахрония. Логос, 2006, № 1(52), С. 262–270.
4. Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
6. Бернард Я. Национализм и моральная психология сообщества. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 520 с.

REFERENCES:

1. Brubeyker R. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. – М.: Izd. Dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2012. – 408 s.
2. Assman A. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory: writing, memory and political identity in the high cultures of antiquity]. – М.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 368 s.
3. Dragunskaya L. Bytie vo vremeni kak metodologicheskyy aspekt glubinnoy psikhologii [Genesis in time as a methodological aspect of depth psychology] // Sinkhroniya i diakhroniya. Logos, 2006, № 1(52), С. 262–270.
4. Assman A. Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna [Has the time? The rise and fall of the temporal mode of Modernity]. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 272 s.
5. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati [The Social frameworks of memory]. – М.: Novoe izdatel'stvo, 2007. – 348 s.
6. Bernard Ya. Natsionalizm i moral'naya psikhologiya soobshchestva [Nationalism and the moral psychology of community]. – М.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2017. – 520 s.

Палагуга В. І., доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри інженерної педагогіки Національної металургійної академії України (Дніпро, Україна), E-mail: visnukdnu@i.ua

Історична пам'ять як фактор формування колективних ідентичностей в сучасному суспільстві.

Анотація. В статті аналізуються три взаємозв'язаних питання, актуальні для оцінки стану та розвитку сучасного українського суспільства, а саме, – що таке історична пам'ять як соціокультурний феномен? Як історична пам'ять співвідноситься з колективною ідентичністю? І як, у контексті історичної пам'яті, колективна ідентичність співвідноситься з індивідуальною ідентичністю людини?

Дослідження показує, що історична пам'ять як феномен завжди зв'язаний з животрепетним питанням в контексті вивчення колективної ідентичності – «хто ми такі»?

і «в чому наше призначення»? Але ці животрепетні питання, які одночасно слугують і певним мірилом людського досвіду і життя в цілому, а, також, вивченням колективної і індивідуальної ідентичності людей, намертво зв'язують минуле, сьогодні і майбутнє.

Ключові слова: історична пам'ять, колективні ідентичності, національна ідентичність, індивідуальна ідентичність, самоідентифікація, політика ідентичності.

Palaguta V. I., Doctor of philosophical sciences, Professor, Head of the Department of engineering pedagogics, National metallurgical Academy of Ukraine (Dnipro, Ukraine), E-mail: visnukdnu@i.ua

Historical Memory as a Factor of collective identities formation in contemporary society.

Abstract. *The article analyzes three interrelated issues relevant to assessing the state and development of the contemporary Ukrainian society, namely, what historical memory as a socio-cultural phenomenon is? How does historical memory correlate with collective identity? And how, in the context of historical memory, does collective identity correlate with the individual's identity?*

The Research shows that historical memory as a phenomenon is always associated with the burning issue in the context of the collective identity study – «who are we?» and «what is our mission?» But these burning questions, which simultaneously serve as a certain measure of human experience and life in general, and the study of the people collective and individual identity, bind the past, the present and the future tightly. That is why, historical memory is something more than just a narrow historians', philosophers' and other social scientists' and humanists' subject study, or memories and testimonies covered by the dust of archives about past events, which, with rare exceptions, are destined for the public oblivion. Historical memory is associated not only with the axis of time, but also with the timelessness, or metaphorically speaking – with eternity, it largely determines the socio-cultural filling of the individuals' and social groups' lives, gives meaningful impulses to it and takes an active part in the social groups' and an individual's design of their future.

By revising the relationship between collective and individual identity in the context of historical memory, the basic identity is considered to be the collective one, but its reformation is allowed. Thus, it can be stated with some assumptions that in the context of historical memory, the individual identity in the «pure form» does not exist, the subject already initially identifies himself with a given, pre-planned collective identity as it were for him. And here it does not really matter whether the collective identity is real, imaginary or symbolic.

Keywords: *historical memory, collective identities, national identity, individual identity, self-identification, identity policy.*

УДК 316.012

Бродецкая Ю. Ю.,

кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры философии
Днепропетровского национального университета им. О. Гончара
(Днипро, Украина), E-mail: visnukdnu@i.ua

ОТ ВЛАСТИ ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ К ПЕРСПЕКТИВЕ ЦЕЛОСТНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Фокус статьи сводится к анализу природы интеграционного потенциала духовной культуры. Автор обращается к условиям формирования событийности и тем аспектам, которые отвечают за ее гармонию, порядок. Выражаясь в категориях соответствия, меры, порядка, духовная культура не просто наполняет социальный контекст смыслом, содержанием, целостностью прочтения, она непосредственно участвует в формировании среды *communitas* – пространства гармоничного со-бытия. В качестве условия духовного совершенствования человеческой природы, культура открывает паттерн продуктивной коммуникации со-бытия, сохраняет преемственность и уникальность времен и поколений, организует внутренний порядок, целостность человека и окружающих его отношений. Данное исследование является необходимым теоретическим шагом в формировании комплексной методологии анализа проблематики социальной целостности.